

ПОЯС В ОБЫЧАЯХ И МИФОЛОГИИ БАШКИР

Пояс – на первый взгляд ничем не примечательная принадлежность башкирского костюма – имеет историю, полную любопытных подробностей и загадок. Среди сотен фотографий, сделанных в башкирских аулах в начале XX в. С.И. Руденко и М.А. Круковским, едва можно найти два-три десятка, запечатлевших мужчин в подпоясанной одежде. Еще меньше таких моментов зафиксировано в этнографических экспедициях ИИЯЛ во второй половине XX столетия. В отличие от соседних славянских и финских народов, пояс у башкир не всегда являлся дополнением костюма. Широкие рубахи в домашних условиях не подпоясывались. При выходе из дома на рубаху надевали приталенные камзолы, казакины и бешметы; их редко сочетали с поясом. Нарядные верхние одежды (*елэн*, *сәкмән*, *сапан*) не имели застежки и носились нараспашку: привычка демонстрировать надетые один на другой дорогие халаты закрепились еще в средневековых обществах Востока. Между тем при определенных обстоятельствах пояс носили, и даже существовало несколько разновидностей поясов. Этнографические и фольклорные источники дают основание заключить, что обычай опоясываться родился в глубине веков и был обусловлен не только практической необходимостью, но и мировоззрением древнетюркских племен.

У башкир по древней традиции в экипировку воина и всадника входил поясной набор из ремня (*кайыш*, *кайыш билбау*) с сумкой (*калта*), снабженного петлями и крючками для прикрепления оружия и других походных вещей. Будучи приписанными с конца XVIII в. к иррегулярному войску, башкиры часто являлись на службу в суконой дмотканой одежде (*сәкмән*), глубоко запахнутой и стянутой ремнем. Судя по гравюрам западноевропейских художников, в такой "форме" башкирские полки участвовали в Отечественной войне 1812 г. На картине художника Хюбейля изображен башкирский воин, показывающий жителям Берлина лук и стрелу. Он предстает в экзотическом островерхом меховом головном уборе и белом шерстяном одеянии до пят, при полной ременной амуниции. На его левом боку подвешены на ремнях сабля и удлинненные стреловидные футляры для походных принадлежностей. Чаше на поясе имелись крючки, а состав предметов в экипировке в зависимости от обстоятельств менялся. При верховой езде за пояс подбирали полы верхней одежды. Широкий пояс на войлочной основе или ремень, покрытые металлическими пластинками, предохраняли от травм и защищали от холода. В древности пояс дополнял кольчугу. На нем закрепляли колчан со стрелами и налучье.

Еще в 60–70-е годы XIX в. походный костюм был настолько привычен для повседневного быта башкир, что ученые и публицисты в этнографических работах представляли его как наиболее характерный вариант традиционного мужского костюма. Поясу в описаниях уделялось пристальное внимание: "На поясе у мужчин, – можно прочесть в очерке о башкирах-бурзянах А. Игнатовича, – непременно висит с правого бока калта, или сумка; она бывает, как и пояс, из тисненной кожи и украшается у богачей драгоценными камнями, впрочем бывают также как тот, так и другая бархатные, и иные стоят с поясом до 1500 руб. ассигнациями; с левого же бока на том же поясе привешиваются два длинных мешочка, в виде стрелки, из коих в один вставляется ножик, а другой, иногда и третий висят для симметрии" (Игнатович 1863: 48).

Л. Берггольд жил на Инзере среди башкир-кайышцев в конце 1880-х годов, когда боевые походы остались в воспоминаниях. Однако в горах любое дело за пределами

аула было сопряжено с верховой ездой, при этом пояс, как писал исследователь (*Берг-хольц* 1893: 81), носили постоянно. Летом опоясывали хлопчатобумажный халат, зимой – чекмень из овечьей или верблюжьей шерсти. На поясе висел нож в деревянных ножнах, обтянутых кожей и украшенных медными накладками. Отправляясь в дорогу, за опояску закладывали топорик с длинным топорischem. Топор за поясом – характерный штрих в облике деятельных и трудолюбивых персонажей башкирских сказок. У некоторых поясов были специальные петли для топора.

Среди повседневных поясов примечательны узкие охотничьи из сыромятного ремня с набором специфических предметов: пороховницей из коровьего рога, грушевидными кожаными сумочками для пистонов и дробы, меркой для пороха, чехлом для ножа.

"Взялся за дело – не ослабляй пояс". Эта башкирская пословица подтверждает связь пояса с трудовой жизнью народа. На фотографиях С.И. Руденко (фототека РЭМ) можно увидеть подпоясанных охотника, лесного сторожа-смотрителя, пчеловода, пастуха, табунщика, большую группу мужчин на лесоразработках. У жителей северных районов (у гайнинцев, упейцев и др.) подпоясаны тканевым поясом светлые или полосатые короткие одежды – по-видимому, холщовые *сыба*, принятые здесь в качестве рабочей и промысловой одежды. У южных и восточных башкир поясами с пряжкой или кушаками подпоясывались чекмени, мягкими поясами – шубы. Лишь у участников праздничных состязаний (борцов, бегунов) опоясаны рубахи.

К сожалению, до нас не дошли кожаные ремни с тиснением. Как писал С.И. Руденко, кожаные тисненные пояса с металлическими накладками в конце XIX в. "можно было найти во всей полукучевой южной, горной и центральной Башкирии до широты г. Уфы и даже немного севернее" (*Руденко* 1955: 169). В 1908 г. венгерский ученый М. Дьюла приобрел в Юго-Восточном Зауралье два обычных узких ремня с сумками "каптырга" и украшениями в виде стреловидных подвесок – футляров (в одном случае) и полшаровидных коробочек с кистью (в другом). Различными были сумки: одна – жесткая прямоугольная с тиснением, другая – мягкая на войлочной подкладке с простеганным "втянутым" узором. Дополнением к этой коллекции стал кувшинообразный кожаный сосуд для дробы с характерным тисненым узором из трилистников. Подобный орнамент и металлические накладки по углам и на месте замков – на подвесной сумке из дер. Метелево Челябинского у. в той же коллекции. Коллекция М. Дьюлы хранится в Венгерском национальном музее в г. Будапеште. Подвесная сумка для огнива, денег и других вещей, размером 18 x 23 см, привезенная С.И. Руденко из дер. Темясово Орского у. (совр. Баймакский р-он РБ), находится в Российском этнографическом музее в г. Санкт-Петербурге.

На поясах украшения-подвески распределялись равномерно по обе стороны от сумки и приходились на бока. Поясные наборы свидетельствуют о высоком профессиональном мастерстве их изготовителей, но в еще большей степени – о высоком статусе их обладателей. Социально-знаковая функция поясов определилась в период феодализма в связи с разделением общества на классы. Позднее особый смысл она приобрела при кантонном управлении (1798–1865 гг.), когда царской администрацией была выстроена новая иерархическая лестница с четко обозначенным сословно-правовым разделением аульных обществ. Появилась своего рода униформа высших должностных лиц (кантонного начальника, юртового старшины), колоритно выглядели входившие в ее комплект стянутый нарядным поясом зеленый чекмень и украшенная позументом высокая шапка с якоревидными отворотами.

Полумягкие пояса с ювелирными украшениями и нарядной бляхой считались престижными не только в военном, но и в гражданском праздничном костюме. В 1850–1851 гг. возглавивший экспедицию Российского географического общества П. Небольсин повидел много башкирских кочевий в оренбургских степях и на Южном Урале. «Мужчины, разумеется, щеголяют бешметами и халатами, – осталась запись в путевом дневнике ученого, – ...бедные люди ходят в грубых белых шерстяных халатах. А у богатей

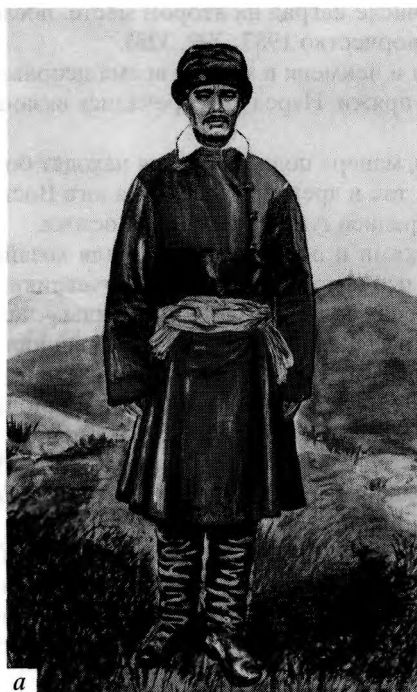
Пояса у башкир: а – камар на парадном чекмене, б – ковровые с украшениями

они бывают из тонкого сукна, иногда белые атласные... Под верхним халатом, надеваемым нараспашку, блестит дорогая серебряная, убранный разноцветными камнями бляха бархатного бухарского пояса; на одном бедре "калта", на другом натруска и сумочки для узкого ножа и для дробы» (*Небольсин* 1854: 277). Такие пояса стягивали кафтан *кэзэкей* или камзол. Сверху набрасывали просторный халат.

Среди праздничных поясов, украшенных ювелирными пряжками с драгоценными камнями (*камар*, *камар билгау*), выделялись ковровые. С.И. Руденко был уверен в их "привозном" характере. Ковровая основа и позолоченные или посеребренные художественно оформленные накладки не имели местных аналогов (*Руденко* 1955: 170). Пояса под названием "камар" были известны на Ближнем Востоке и в Средней Азии. Видимо, оттуда изделия попадали на Южный Урал.

О том, что уже в средневековые камар служил знаком, указывавшим на принадлежность его обладателя к особому социальному рангу, говорят эпические сказания "Кузюкряс и Маянхылу", "Зятуляк и Хыухылу", "Кара-юрга" и др. (Башкирское народное творчество 1987: 136, 198, 251, 254). В предании о Салавате есть упоминание об украшенном монетами камаре, с которого герой срезал четыре монетки, чтобы одарить детей (Башкирские предания и легенды 1985: 142). С.И. Руденко слышал от стариков, что в старину такие пояса ценились очень дорого: за один камар давали хорошего аргмака или пару быков.

О популярности камаров в XIX в. говорит их наличие во всех старых музейных коллекциях. В Российском этнографическом музее их не менее десяти: большинство из Восточного Зауралья, есть пояса из Стерлитамакского и даже северного Бирского уездов. Ширина камаров – 7 см. Как правило, они имеют массивную пряжку с крючком. На определенном расстоянии друг от друга на них прикреплены продолговатые узорные пластинки со вставками сердолика и бирюзы. К поясу пристегивались наряд-

а

б

Кушаки у башкир: а – тканевый многослойный на кафтане *кэзэкей*, б – вязанный на шубе

ный кисет или сумка и кожаные футляры для ножа и других мелких вещей. В отличие от походных ремней, часть "привесок" на камаках играла скорее декоративную, чем утилитарную роль.

Еще одним распространенным видом поясов являлись мягкие кушаки (*билбау*, *билмау*, *билгау*) из полосы кустарной или фабричной ткани, длиной более 3 м. Они присутствовали и в повседневном, и в праздничном костюме. Обернув торс слегка свитым кушаком трижды, концы заправляли вовнутрь (в рабочем костюме) или оставляли висящими по бокам (в праздничном и обрядовом).

Жесткие и мягкие пояса до некоторой степени были взаимозаменяемы. П. Назаров, описывая башкирский мужской костюм, кроме кожаного пояса "каптырга" с ножом в футляре и сумкой "калта", называет "кушак", который также служил для подпоясывания чекменя (Назаров 1890: 180–181). Тем не менее улавливаются некоторые особенности употребления поясов в XIX в.: ремни казались более уместными в походах, мягкие кушаки – в мирной жизни.

Малиновый кушак из среднеазиатского шелка с кистями на концах был привезен на Московскую антропологическую выставку в 1879 г. из Челябинского у. Он дополнял праздничный мужской костюм. В комплекте повседневной одежды из тех же мест присутствовал "портяной" серый кушак (Миллер 1887: 86–87).

Как и жесткие пояса, кушаки могли выполнять социально-знаковую функцию. В фольклоре фигурируют шелковые *билгау* с кистями, в 7 или 12 слоев-обхватов (*кам*). Даже если учесть, что эти числа употреблялись как магические, сакральные, принадлежность подобных поясов к роскошному облачению не вызывает сомнений. Шелковый персидский кушак считался одним из наиболее ценных подарков. Часто такие пояса богатые люди выставляли в качестве призов победителям на скачках и в борьбе. В

эпосе "Куз-Курпач" шелковый пояс стоял в числе наград на втором месте, после кармазинного кафтана (Башкирское народное творчество 1987: 292, 328).

В южных уездах для подпоясывания шубы и чекменя в зимнее время использовали узкие (до 20 см) пояса, сотканые из овечьей пряжи. Изредка встречались вязаные кушаки.

Все виды поясов, принятые в быту башкир, манера подпоясывания находят большое число аналогий в культуре как современного, так и древнего населения юга Восточной Европы, Сибири, Центральной, Передней и Средней Азии, Ближнего Востока.

Ременные узкие и широкие пояса с пряжками и подременниками для хозяйственных предметов и оружия носили тюркоязычные и монголоязычные кочевники. С помощью ремня придерживали незастегивающиеся полы распахной одежды – чекменя, шубы. Ремнем подпоясывались прежде всего в условиях, требующих собранности: при выполнении физических работ или отправляясь в дорогу. Традиционный набор прикрепляемых к поясу вещей – это нож в ножнах, сумка для огнива, петли и крючки для топора и других походных предметов. У ряда народов (башкир, каракалпаков, части узбеков, сибирских татар, алтайцев) для обозначения поясов-ремней употреблялся одинаковый термин *кайыш* / *кайыс* (Этнография каракалпаков 1980: 56–57; Шаниязов, Исмаилов 1981: 75; Томилов 1980: 149; Потапов 1951: 24).

Кожаные пояса с пряжками и наборными бляхами, существовавшие в XVIII–XIX вв. у тувинцев, известный исследователь С.И. Вайнштейн рассматривает как "пример сохранения традиций древнетюркского костюма" (Вайнштейн 1991: 192). Кожаные пояса с металлическими накладками и сумкой калта можно увидеть в алтайских коллекциях Российского этнографического музея (Потапов 1951: 24).

Пояса с серебряными пластинками были принадлежностью якутского праздничного костюма (Носов 1957: 150). Аналогичны старинные казахские пояса с кожаными ножнами, сумкой калта, пороховницей и стреловидными подвесками (Захарова, Ходжаева 1964: 56–57).

Традиция широких твердых поясов с металлическими накладками имеет большую историю. Согласно археологическим и документальным источникам, кожаные пояса с пряжкой-застежкой и серебряными бляхами были принадлежностью костюма древних тюрков (Вайнштейн, Крюков 1966: 186–187). Они изображены на петроглифах и каменных изваяниях Южной Сибири и Монголии (Окладникова 1985: 85–88; Грач 1961: 64–65; Евтюхова 1952: 108–110; и др.). Фрагменты поясов обнаружены в тюркских погребениях. Появившись в Сибири в таштыкскую эпоху, наборные пояса в последующее время распространились на большом пространстве от Центральной Азии до причерноморских степей (Степи Евразии 1981).

В средневековье на Востоке богато украшенный пояс являлся свидетельством особого положения человека в обществе. Это подтверждают сюжетные росписи на зданиях Пенджикента, Афрасиаба и других городищ Средней Азии VI–VIII вв. (Бентонвич 1980: 204–205; Лобачева 1979: 21–22). В XIII в. жесткий наборный пояс был одним из атрибутов джучидского парадного костюма и надолго остался в представлениях среднеазиатских и других тюркских народов как символ принадлежности к правящей и элитной верхушке. Поздним вариантом "элитных" поясов являлись камары.

Распространенные в XIX в. (и раньше) в притаежной лесостепной полосе Сибири (у алтайцев, хакасов, тувинцев и других народов) характерные охотничьи пояса абсолютно идентичны башкирским. Повсюду в охотничий набор входили пороховница и мерка из рога, грушевидная сумочка для дробы, стерженек для проталкивания дробинки в ствол ружья.

С изменением образа жизни тюркских народов у большинства из них, как и у башкир, ременные пояса стали редкостью. В праздничном костюме на первое место выдвинулись кушаки.

Мягкие широкие кушаки из ткани носили мужчины на всем Востоке. Более предпочтительное отношение к ним наблюдалось в быту оседлого или полуседлого населения, рано освоившего ткачество. Основным видом поясов кушаки были у иранцев и арабов (Люшкевич 1970: 299, 302, 307; Лэйн 1982: 73). Судя по средневековым миниатюрам и этнографическим источникам, пояса из полосы ткани были распространены в мужском среднеазиатском костюме. Матерчатые пояса, обмотанные вокруг торса, носили в те времена в Монголии и Бурятии. В литературе отмечается особое отношение к поясу в раннемонгольском обществе, осмысление его как символа личной свободы (Викторова 1977: 176; Тузатов 1958: 126). Некоторые этнографы (Вайнштейн 1991: 196; Пугаченкова 1956: 105) говорят о монгольском или даже китайско-монгольском влиянии в распространении тканевых кушаков среди тюрок в период владычества татаро-монголов. Однако более убедительной кажется версия о ранних взаимодействиях тюрок с индоиранцами.

В XIV в. В. Рубрук писал, что "татары" подпоясывают одежду куском шелковой ткани (Рубрук 1957: 76–77). Изображение тюрка с таким поясом имеется в настенной живописи VII–VIII вв. в Афрасиабе (Лобачева 1979: 27). В XIX в. мягкие длинные кушаки использовались в мужском костюме алтайцев, тувинцев, хакасов, киргизов, казахов, уйгуров, каракалпаков, узбеков, ногайцев, западносибирских и поволжских татар. Для их обозначения употреблялся термин, сходный с башкирским *билбау* (*бил* – поясница, *талия*). Большинство тюрок, монголы и иранцы с таким поясом носили верхнюю одежду. Одинаковой была манера подпоясывания (Потанов 1951: 24; Абрамзон 1953: 159; Шибаева 1959: 16; Захарова 1959: 270; Захарова, Ходжаева 1964: 56, 59; Гаджиева 1976: 114; Абдуллаев, Хасанова 1978: 14; Этнография каракалпаков 1980: 72; Вайнштейн 1991: 178; Мухамедова 1997: 23, 26, 66; и др.).

На юге Сибири и на Южном Урале (у северных алтайцев, хакасов, западносибирских и приуральских татар), у части казахов и каракалпаков, как и у башкир, ткались узкие шерстяные пояса. Обращает на себя внимание то, что их носили в полосе сравнительно прохладного климата.

Подпоясывание женского костюма у многих тюркских народов было мало принято. Это относится в первую очередь к народам Средней Азии, башкирам и татарам, в меньшей степени – к народам Южной Сибири. В появлении этого обычая определенную роль в средневековье сыграли монголы, у которых до последнего времени слова "женщина" и "беспоясная" (*бюсгюй*) являлись синонимами (Викторова 1977: 188). Вероятно, в дальнейшем эта традиция укрепилась в быту под воздействием связанных с этикетом установок ислама, предписывавших для женщины свободные одежды и покрывала. Важно отметить, что так было не всегда.

В женском костюме кочевников южнорусских степей, судя по каменным изваяниям домонгольского периода, пояс имелся (Степи Евразии 1981: 266; и др.). Настенная роспись средневековой Средней Азии также запечатлела женские фигуры с узким или широким тканевым поясом поверх одежды (Бентович 1980: 206–207). Шерстяным кушаком с бахромой опоясывали лисью шубу каракалпачки. Мягкий кушак сохранился в траурном костюме узбеков. Разнообразны были женские пояса у казашек, подпоясывались женщины в некоторых этнических группах у киргизов (Этнография каракалпаков 1980: 87; Рузиева 1979: 171–172; Захарова, Ходжаева 1964: 102–103; Абрамзон 1953: 159). У тюркоязычного населения на юге Сибири женщины подпоясывали одежду тканевыми кушаками и домоткаными шерстяными поясами довольно часто. У хакасов-бельтиров пояс служил частью одеяния шаманки, что говорит о древности обычая (Шибаева 1959: 100–101). Широкий твердый пояс с прикрепленными к нему предметами женского туалета дополнял якутский костюм (Носов 1957: 150). Мягкие и твердые пояса с металлическими накладками носили ногайки, балкарки, женщины Дагестана (Мамбетов 1971: 284; Гаджиева 1976: 140–141; 1981: табл. 41, 43; и др.).

Можно утверждать, что в прошлом пояс дополнял и башкирский женский костюм. На литографии начала XIX в. башкирка подпоясана мягким кушаком, поясом прихвачен и "хвост" от головного убора *кашмау* (История Башкортостана 1996: 338). Женщины-башкирки умело управляли лошадьми, могли быть искусными наездницами. В.М. Черемшанский описывал выезд на кочевку жителей горных селений: передвигались верхами, женщины в халатах, подпоясанные кушаками, везли младенцев под еляном, прижимая их к груди. Дети постарше сидели позади на крупе лошади, держась руками за кушак матери (Черемшанский 1859: 145).

Молодые женщины подпоясывали елян или чекмень во время работы – на сенокосе или жатве, за пояс подтыкали полы одежды. Широкая одежда придерживалась также поясом массивных нагрудников из серебра и кораллов. Некоторые пояса нагрудников были украшены мозаичной аппликацией из кусочков тканей, цветной строчкой. Вероятно, и фартук легко вошел в быт северных башкир потому, что его поясом можно было стянуть широкое в талии платье. О том, что пояс мог быть в женском башкирском костюме, говорит распространенный обычай вставлять в платье по талии полосу ткани контрастного цвета.

Есть упоминания о подпоясывании женской одежды в эпосе. В сказании "Алпамыша" героиня сообщает о прибытии героя: "Вставай, свекровь... Затяни-ка свой пояс, свекровь. Алпамыша, краса страны, твоя любовь, вернулся" (Башкирское народное творчество 1987: 238).

О присутствии пояса как в мужском, так и женском старинном (если не сказать древнем) костюме, об особом отношении башкир (и родственных им народов) к этому предмету говорит анализ обрядовых ритуалов; часть обычаев и обрядов дошла до нас в фольклорных сюжетах.

Первостепенное значение придавалось поясу в обрядах, сопровождавших переход мальчика в разряд джигитов. На вопрос исследователей в экспедициях "С какого возраста начинали носить пояс?" пожилые люди отвечали однотипно: "Когда становились взрослыми". Однако взросление наступало по-разному. В легенде "Таштугай" об одном из главных персонажей Байгубаке сказано: "Он рано остался без отца, рос удалцом и, несмотря на свою молодость, входил в число лихих джигитов" (Башкирские предания и легенды 1985: 212). Джигит (*егет*) показывал удалство в умении объезжать лошадей, в спортивных состязаниях, в прошлом – в *барымте*, в случае войны мог участвовать в походах. Однако между первым опоясыванием и посвящением в воины, как следует из фольклорных источников, проходил определенный интервал; облачение в боевые доспехи обставлялось особенно торжественно. Изучая тюркский и монгольский эпический фольклор, Р.С. Липец обратила внимание, что пояс занимал видное место в снаряжении батыра, при этом "при переходе юноши в разряд взрослых воинов опоясывание боевым поясом, на котором носили оружие, было знаком воинской возмужалости. Боевой пояс – обязательная реалья обряда посвящения в воины, признак социального положения..." (Липец 1984: 67).

Нередко пояс вместе с седлом и необыкновенным по боевым качествам оружием (луком, секирой, саблей) переходили от отца-батыра к сыну, приумножая его силу. В эпосе "Заятулак и Хыухылу" после того, как Заятулак проявил свои способности на охоте, отец Самар-хан подарил ему пояс, украшенный драгоценными камнями (Башкирское народное творчество 1987: 179). В одной из версий эпоса "Кузыкурпяс и Маяхылу" крылатый чудесный конь Кук-тулпар подсказал герою, где лежат седло, секира и пояс камар, украшенный серебряными узорами, – вещи, некогда принадлежавшие его отцу (Там же: 251). С этим снаряжением он и отправился в опасный путь на поиски нареченной невесты.

Очевидно, поясу приписывалась не только магическая охранная, но и животворная сила, увеличивающая потенциальные возможности человека. Перед трудной дальней дорогой эпические герои ложились спать подпоясавшись. В свете сказанного стано-

вятся понятными слова Яик-батыра, поспешившего на помощь к отцу Урал-батыру: "Пояс потуже я повязал, что есть мочи к тебе прискакал" (Там же: 111).

Снять пояс – значит признать себя побежденным. Это правило действовало и во время состязаний в национальной борьбе. В предании об Алебае при описании поединка башкира и казаха есть слова: "Схватились они за пояса и стали бороться. Оба батыра были достойны друг друга и никак не хотели дать друг другу свой пояс" (Башкирские предания и легенды 1985: 204). В другом случае рассказывается о борьбе двух башкирских батыров; побежденный Интей подарил сопернику Сафе, признав его превосходство, "свой пояс с золотой бляхой" (Там же: 257). Здесь был выполнен лишь старинный ритуал, поскольку пояс Интей-батыром был снят еще до состязания: в жестких поясах бороться не было принято.

Важным атрибутом пояса выступал во многих общественных ритуалах. Мягким кушаком многократно опоясывались *туй башы* – главные распорядители на джиинах, сабантуях, каргатуях. В 1972 г. в Курганской обл. нашу экспедицию пригласили на сабантуй. В котлах молодые мужчины готовили *бишбармак* (мясо было выделено правлением колхоза). Готовые куски мяса выбрали в большие деревянные чаши и поставили в круг пожилых мужчин для разделки и распределения на доли. "Аксакалов" было человек десять, все в национальной одежде (в темных кафтанах *кэзэкей* и *тюбетейках*). Один – в центре – был с аккуратно обмотанным поверх одежды многослойным кушаком; несомненно, он был наиболее авторитетным.

В некоторых районах существовал обычай встречи гостей, прибывающих на праздник из соседних деревень. Навстречу верхом выезжали мужчины в темных елянах, подпоясанных красными кушаками. Они везли с собой угощение. Встреча могла сопровождаться мелодией курая и пляской (*Нагаева* 1981: 39). До сих пор костюм мужчин, исполняющих сольные пляски, включает пояс, за который закреплена поднятая пола одежды.

Изучая верования народов Саяно-Алтайского нагорья (алтайцев, тувинцев, хакасов и др.), исследователи отмечают особое отношение к поясу как к маркеру и прикрытию телесного центра человека (пупа). По местным поверьям, пояс являлся вместилищем одной из трех душ, присущих каждому рожденному (Традиционное мировоззрение 1988: 182–183).

Это объясняет глубокий смысл обертывания у башкир (по-видимому, и у других тюрков) новорожденного поясом (*билбау*). Не случайно также пояс присутствовал в посмертном облачении мужчин и женщин. Иногда на ленту ткани, скреплявшую по талии саван (она тоже носила название *билбау*), накладывали позумент. Истоки многих обычаев и представлений – в доисламских языческих верованиях башкир и других тюрков.

Особенно выразительно использование пояса в свадебных обрядах. По мере развертывания свадебных церемоний на авансцену башкирской свадьбы выходят то одни, то другие действующие лица, как правило, "отмеченные" красными кушаками. Подпоясан человек, взявший на себя роль свата. Одарен поясом дружка. Поясом выделена главная *еңгә* (жена старшего брата или дяди невесты), приставленная к невесте и жениху на весь период предсвадебных и свадебных ритуалов. Группа союзников жениха, им одаренных и готовых содействовать в "добывании" невесты, отправляется в путь после традиционной фразы: "Выйдем на поиски того, чего у тебя нет, мы подпоясаны и сыты" (*Бикбулатов, Фатыхова* 1991: 23, 32, 72). Приехавших на свадьбу гостей встречали, повязавшись красными кушаками, держа посуду с обрядовым напитком "буза" (*Султангареева* 1994: 70).

У башкир в Восточном Зауралье девушка вышивала для жениха кумачовые пояс и рубаху. Обычай готовить для жениха комплект одежды (в том числе пояс) существовал и в других районах Башкортостана. По древней традиции, мужчина приходил на первое свидание с невестой (после выплаты части калыма) в своей одежде с замысло-

а

б

Женские пояса в свадебном обряде: а – кушак еңгә, б – свернутый платок у невесты

вато запутанным и завязанным кушаком, и девушка должна была, распутав узлы, снять кушак. Наутро он переодевался в одежду, приготовленную невестой. Концы вышитого невестой пояса расправлял по бокам.

Согласно фольклорным источникам, опоясывание стана юноши девушкой или дарение пояса (в том числе камара) ее отцом происходило "в знак сговора", как свидетельство взятых обязательств (Башкирское народное творчество 1987: 198, 204; Башкирские предания и легенды 1985: 230). Красный пояс, вышитый невестой, означал также переход юноши в класс женатых (занятых) мужчин.

Дарение жениху рубахи и пояса было распространено в Западной Сибири, в Средней и Передней Азии – у тюркоязычных и (особенно) ираноязычных народов: западносибирских татар, узбеков, туркмен, таджиков, белуджей и др. Ритуальный пояс с узорными полосами на концах изображен на персонаже по имени Абдулла-хан на одной из миниатюр из Бухары (начало XVI в.). По мнению М.В. Горелик, мода на такие кушаки шла из Персии (Горелик 1979: 51, 62–63).

Влияние иранской культуры и древней (близкой к зороастризму) идеологии заметно и в самом обряде. Можно напомнить, что переодевание в красную рубаху и подпоясывание кушаком было обязательным в ритуалах, связанных с инициациями и обращением в зороастрийскую веру.

Свадебные обряды были пронизаны разнообразными магическими действиями с охранным и усилительным подтекстом. К ним относилось завязывание и развязывание узлов на поясе жениха.

Подпоясывание невесты было приурочено к концу первого цикла свадебных обрядов, проходившего в доме родителей девушки. В день переезда на новое место жительства (обычно третий день "туя") при переодевании в свадебную одежду осуществлялся специальный обряд опоясывания (*бил быуы*). Если одежда в значительной сво-

ей части повсюду являлась подарком жениха и его родителей, то о поясе сведения противоречивы. Алый пояс (*ал билбау*) мог быть получен в подарок от отца. Нарядный пояс из кусочков разноцветных материй (*корама*) с красными концами могла сшить также мать невесты. Иногда его делали из красного или зеленого сукна с кистями. Могли использовать отрез кумача или шаль, свернув ее по диагонали. В среднем Забелю невесту подпоясывали камаром будущего мужа.

Одевали невесту замужние женщины (*еңгә*), но опоясывала чаще всего свекровь, сопровождая свои действия наставлениями. "Свекровь, опоясывая невесту, – писал исследователь башкирской свадьбы Н.В. Бикбулатов, – тем самым как будто обретает над нею власть, принимает в свой дом, под свое покровительство и подчинение" (Бикбулатов, Фатыхова 1991: 69). Вполне вероятно, что пояс служил меткой, означавшей право жениха и его родни на "обладание" девушкой. Это подтверждала ритуальная инертность невесты, стесненной в движениях множеством одежд и покрывал, наброшенных на голову и закрывавших лицо. Из своего дома невеста выходила, держась за пояс жениха, хотя ехали они порознь. Одновременно пояс на невесте являлся действенным оберегом. "Плетеный пояс, зеленая кисть, врага твоего громом пусть сразит" – одно из заклинаний, произносимых при одевании невесты (Султангареева 1994: 95).

Связанная с поясом невесты церемония заканчивалась в доме жениха. После встречи и приветствий невесту провожали на женскую половину жилища и там за занавесом назначенная свекровью старшая родственница (*кайнбикә*) развязывала пояс и опоясывала им талию младшей сестры или племянницы жениха. Этот ритуал на всю жизнь скреплял узами трех женщин: молодая (*килен*) приобретала в новом ауле посаженую мать (*морондок инэй*) и душевную подругу, наперсницу (*һылыу*), с которыми могла делить свои горести и заботы (Бикбулатов, Фатыхова 1991: 76). Обряд развязывания и снятия пояса (*бил сисеу*) приобретал общественно значимое содержание. Пояс невесте возвращали за "выкуп" (получали взамен подарок), но надевала его замужняя женщина в дальнейшем очень редко.

Более детальное изучение фольклорных произведений, поверий и обрядов может полнее раскрыть многофункциональное назначение пояса в далеком прошлом.

Литература

- Абдуллаев, Хасанова 1978 – Абдуллаев Т.А., Хасанова С.А. Одежда узбеков. Ташкент, 1978.
- Абрамзон 1953 – Абрамзон С.М. Этнографический альбом художника П.М. Кошарова // Сб. МАЭ. Т. 14. М.; Л., 1953.
- Башкирские предания и легенды 1985 – Башкирские предания и легенды. Уфа, 1985.
- Башкирское народное творчество 1987 – Башкирское народное творчество. Т. 1. Эпос. Уфа, 1987.
- Бентович 1980 – Бентович И.Б. Одежда раннесредневековой Средней Азии (по данным стенописей VI–VIII вв.) // Страны и народы Востока. Вып. XXII. М., 1980.
- Бергхольц 1893 – Бергхольц Л. Горные башкиры – катаяцы // Этнографическое обозрение. 1893. № 3.
- Бикбулатов, Фатыхова 1991 – Бикбулатов Н.В., Фатыхова Ф.Ф. Семейный быт башкир XIX–XX вв. М., 1991.
- Вайнштейн 1991 – Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. М., 1991.
- Вайнштейн, Крюков 1966 – Вайнштейн С.И., Крюков М.В. Об облике древних тюрков // Тюркологический сб. М., 1966.
- Викторова 1977 – Викторова Л.Л. Монгольская одежда // Сб. МАЭ. Т. 32. Л., 1977.
- Гаджиева 1976 – Гаджиева С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX в. М., 1976.
- Гаджиева 1981 – Гаджиева С.Ш. Одежда народов Дагестана. М., 1981.
- Горелик 1979 – Горелик М.В. Среднеазиатский мужской костюм на миниатюрах XV–XIX вв. // Костюм народов Средней Азии. М., 1979.
- Грач 1961 – Грач А.Д. Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961.
- Евтюхова 1952 – Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // Материалы и исследования по археологии. № 24. М., 1952.

- Захарова 1959 – Захарова И.В. Материальная культура уйгуров // Тр. Ин-та этнографии. Нов. сер. Т. 57. М., 1959.
- Захарова, Ходжаева 1964 – Захарова И.В., Ходжаева Р.Д. Казахская национальная одежда (XIX – начало XX в.). Алма-Ата, 1964.
- Игнатович 1863 – Игнатович А. Башкирская Бурзянская волость // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. Кн. 5. СПб., 1863.
- История Башкортостана 1996 – История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века. Уфа, 1996.
- Липец 1984 – Липец Р.С. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М., 1984.
- Лобачева 1979 – Лобачева Н.П. Среднеазиатский костюм раннесредневековой эпохи // Костюм народов Средней Азии. М., 1979.
- Лэйн 1982 – Лэйн Э.У. Нравы и обычаи египтян в первой половине XIX в. М., 1982.
- Люшкевич 1970 – Люшкевич Ф.Д. Одежда жителей центрального и юго-западного Ирана первой четверти XX в. // Сб. МАЭ. Т. 26. Л., 1970.
- Мамбетов 1971 – Мамбетов Г.Х. Материальная культура сельского населения Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1971.
- Миллер 1887 – Миллер В.Ф. Систематическое описание коллекций Дашковского этнографического музея. Вып. 1. М., 1887.
- Мухамедова 1997 – Мухамедова Р.Г. Татарская народная одежда. Казань, 1997.
- Нагаева 1981 – Нагаева Л.И. Танцы восточных башкир. М., 1981.
- Назаров 1890 – Назаров П. К этнографии башкир // Этнографическое обозрение. 1890. № 1.
- Небольсин 1854 – Небольсин П. Рассказы проезжего. СПб., 1854.
- Носов 1957 – Носов М.М. Эволюционное развитие якутской одежды с конца XVIII столетия до 1920-х годов // Сб. научных статей. Вып. 2. Якутск, 1957.
- Окладникова 1985 – Окладникова Е.А. Петроглифы Кара-Оюка // Урало-алтаистика. Новосибирск, 1985.
- Потапов 1951 – Потапов Л.П. Одежда алтайцев // Сб. МАЭ. Т. 13. М.; Л., 1951.
- Пугаченкова 1956 – Пугаченкова Г.А. К истории костюма Средней Азии и Ирана XV – первой половины XVI в. // Тр. Среднеазиатского гос. ун-та. Вып. 31. Самарканд, 1956.
- Рубрук 1957 – Рубрук В. Путешествие в Восточные страны // Путешествие в Восточные страны Платона Карпини и Рубрука. М., 1957.
- Руденко 1955 – Руденко С.И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.; Л., 1955.
- Рузиева 1979 – Рузиева М. Посмертная и траурная одежда узбеков г. Ташкента // Костюм народов Средней Азии. М., 1979.
- Степи Евразии 1981 – Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
- Султангареева 1994 – Султангареева Р.А. Башкирский свадебно-обрядовый фольклор. Уфа, 1994.
- Сухарева 1982 – Сухарева О.А. История среднеазиатского костюма. М., 1982.
- Томилов 1980 – Томилов Н.А. Этнография тюркоязычного населения Томского Приобья. Томск, 1980.
- Традиционное мировоззрение 1988 – Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Новосибирск, 1988.
- Тугутов 1958 – Тугутов И.Е. Материальная культура бурят. Улан-Удэ, 1958.
- Черемшанский 1859 – Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859.
- Шаниязов, Исмаилов 1981 – Шаниязов К.Ш., Исмаилов Х.И. Этнографические очерки материальной культуры узбеков. Ташкент, 1981.
- Шибалева 1959 – Шибалева Ю.А. Одежда хакасов. Сталинабад, 1959.
- Этнография каракалпаков 1980 – Этнография каракалпаков: Материалы и исследования. Ташкент, 1980.

S.N. Shitova. The Waist Belt in Customs and Myths of the Bashkir

The article is an ethnographic study of the waist belt as an element of traditional clothing of the Bashkir. The author argues that the waist belt, which appears at first sight to be a rather unremarkable item of Bashkir's clothing, reveals upon a more scrupulous examination a history full of curious details and bewildering riddles. Drawing on a variety of ethnographic and folklore sources, the author analyzes the place of the waist belt in Bashkir's everyday life and rituals, as well as the symbolism of the garment in the ceremonial attire and warriors' and hunter's outfits.